

Бороноев Павел Георгиевич**Boroneev Pavel Georgievich**

кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Бурятского государственного университета

PhD in Social Science, Associate Professor, Theory and History of State and Law Department, Buryat State University

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ФОРМИРОВАНИЯ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА УЧАЩИХСЯ ШКОЛ) [1]

FACTORS IN THE MINORS' SUICIDAL BEHAVIOR DEVELOPMENT IN THE REPUBLIC OF BURYATIA (BASED ON A SOCIOLOGICAL SURVEY OF SCHOOL STUDENTS) [1]

Аннотация:

Республика Бурятия продолжает оставаться регионом с высоким уровнем суицидальных показателей: в 2017 г. было 39,4 случаев самоубийств на 100 тысяч населения, при этом среди детей и подростков 10–15 лет – 12,6, а среди подростков 15–19 лет – 86,6 на 100 тысяч населения. Данная статья посвящена выявлению факторов формирования суицидального поведения несовершеннолетних в Республике Бурятия. Автором было проведено комплексное исследование: анализ документов и информации образовательных учреждений, анкетирование учеников школ, экспертный опрос работников образования. Исследование было проведено в контексте современных теоретических изысканий с учетом научных положений и выводов, полученных другими прикладными исследованиями по теме суицидального поведения. Полученные результаты о социальной природе суицидального поведения представляют особый научный интерес с точки зрения психологии, социологии, социальной работы и могут быть использованы в практической деятельности по профилактике суицидального поведения.

Ключевые слова:

суицидальное поведение, несовершеннолетние, суицид, самоубийство, социальное неблагополучие, девиантное поведение, дети, подростки, Республика Бурятия.

Summary:

The Republic of Buryatia continues to be a high-suicide region. In 2017, there was a suicide rate of 39.4 per 100,000 population. At the same time, it was 12.6 per 100,000 population among children and teenagers aged 10–15 and 86.6 among adolescents aged 15–19. The paper identified the factors in the minors' suicidal behavior development in the Republic of Buryatia. A comprehensive study of the issue under review included the analysis of documents and information of educational institutions, school student questionnaire, and expert survey of educators. The study was conducted in the context of modern theoretical analysis based on scientific findings and conclusions of other applied research on suicidal behavior. The findings related to the social nature of suicidal behavior are of particular scientific interest from the perspective of psychology, sociology, and social work. They can be useful in preventing suicidal behavior.

Keywords:

suicidal behavior, minors, suicide, self-murder, social ill-being, deviant behavior, children, adolescents, Republic of Buryatia.

Республика Бурятия продолжает оставаться регионом с высоким уровнем суицидальных показателей, в том числе среди детей и подростков, что вызывает необходимость всестороннего мониторинга и масштабных исследований с целью предупреждения, предотвращения и снижения уровня самоубийств [2].

Классические подходы к изучению суицидального поведения как социального явления со времен Э. Дюркгейма не особенно изменились и продолжают оставаться актуальными, особенно для дезинтегрированных социальных систем. Так, по мнению Э. Дюркгейма, в периоды кризисов и социальных потрясений система ценностей и социальных норм перестает эффективно выполнять свои функции и теряет свою значимость [3]. Следуя логике Э. Дюркгейма, разложение моральных ценностей и норм приводит к экзистенциальному вакууму. Поэтому возникают противоречия между определенными в обществе целями (например, обогащение) и одобренными, легальными средствами их достижения. Социальная и индивидуальная фрустрация как невозможность реализации своих стремлений и влечений способствует их подавлению, в том числе экзистенциальных потребностей. В таком случае энергия, направленная на жизнь, подвергается распаду и превращается в разрушительную силу, в девиантное поведение, в том числе в аутоагрессию – формирование суицидальных намерений и попыток.

С этих позиций некоторые современные российские исследователи в качестве основных причин увеличения или снижения уровня суицида в российском обществе небезосновательно рассматривают социально-экономическое состояние российского общества, циклично переживающего периоды системного кризиса, стабилизации и нового кризиса. Практически все регионы,

занимающие первые позиции в Российской Федерации по уровню суицида, такие как Республика Бурятия, относятся к депрессивным регионам. Согласно статистическим данным 2017 г., в Республике Бурятия 182,1 тысячи человек (18,5 %) имеют доход ниже прожиточного уровня [4]. Бижу Янг (Bijou Yang) в своем исследовании выяснила, что «однопроцентный рост доходов на душу населения приводит к уменьшению числа молодежных самоубийств на 0,11 %. Усиление же бедности, снижающее социальную и экономическую интеграцию, негативно влияет на суицидальную ситуацию в обществе» [5]. По мнению С.В. Кондричина, «крайне редкие и немногочисленные российские исследования также свидетельствуют о существовании обратной, хотя и не очень выраженной корреляции между этими переменными: чем беднее регион, тем чаще там совершаются самоубийства» [6, с. 113]. Это особенно заметно проявляется в сельских районах, где наблюдаются высокий уровень безработицы и низкий уровень доходов населения. Как правило, во многих странах традиционно более высокий уровень суицида в городах, однако в России уровень самоубийств среди сельского населения продолжает оставаться существенно выше. Например, в 2017 г. в Республике Бурятия показатели суицида среди сельского населения составили 54 случая против 29,6 в городской среде на 100 тысяч населения [7].

В сентябре – октябре 2018 г. нами был проведен социологический опрос учеников 10 сельских и 2 городских школ в 4 районах Республики Бурятия. В опросе приняли участие 652 школьника в возрасте от 12 до 17 лет. Выборка формировалась методом квотного отбора и в целом репрезентирует социально-демографическую группу населения Республики Бурятия – учащихся школ.

К сожалению, субъективная оценка экономического положения семьи самими учащимися не вызывает доверия, что является типичной погрешностью многих эмпирических исследований, в которых респонденты самостоятельно индексируют свои доходы. Статистика опроса показала явное стремление к преувеличению благосостояния семьи: 49,1 % учеников выбрали позицию с высоким уровнем доходов – «ни в чем себе не отказывают». Здесь также следует учитывать, что в силу своего возраста несовершеннолетние не всегда в состоянии адекватно оценивать социально-экономическое положение своей семьи. Более объективной представляется дифференциация школьников учителями, указавшими, что к числу обеспеченных детей можно отнести только 12,5 %. Далее, 0,9 % из школьников указали, что денег не хватает даже на продукты, 6,1 – денег хватает только на продукты, 42,6 – денег хватает, но не на покупку дорогих бытовых приборов. Эти данные подтверждаются информацией из социального паспорта школ. Например, в Татауровской средней общеобразовательной школе 24,3 % родителей учеников безработные, 25,8 % детей из неполных, 30,3 – из малообеспеченных, 3,7 – из неблагополучных семей. Такая ситуация, судя по социальным паспортам школ, характерна для ряда районов Республики, особенно в сельских поселениях.

Мы полагаем, что будет недостаточно корректно определить и отнести к числу наиболее распространенных причин самоубийства среди несовершеннолетних показатели социально-экономического положения семьи, поскольку такая статистика отсутствует. Однако Р. Коски, в частности, приходит к выводу, что «подростки из бедных семей в большей мере подвержены риску самоубийств, чем их материально обеспеченные сверстники» [8]. Не секрет, что в некоторых случаях дети из малообеспеченных и бедных семей становятся объектами социальной изоляции, насмешек и унижений, что при определенных условиях и складе характера ребенка может стать катализатором суицидального поведения. В нашем опросе 12,6 % учащихся указали, что у них есть проблемы в отношениях с одноклассниками, 7,2 – проблемные отношения с конкретным человеком в классе.

Системное реформирование российского общества привело к явному противоречию между провозглашаемой западной моделью утилитарного и индивидуалистического общества и сложившейся российской ментальностью, основанной на традиционных ценностях коллективного мировоззрения и особой духовности русского человека. Сегодня неясно, какие цели или ценности, которые являются основательными и надежными, кроме религиозных, мы предлагаем молодому поколению постсоветского периода. Вероятно, поэтому наши респонденты отметили, что не имеют жизненных целей (8,6 %), 6,6 имеют «смутные представления» о планах на жизнь.

Возможно, для поколения детей и подростков, выросших в новой России, не совсем понятны настроения ностальгии по советской эпохе, которые заметно выражены не только у старшего поколения и взрослого неформального окружения, но и в СМИ. Ценности советского периода совершенно абстрактны для детей и подростков. В некоторых ситуациях эти межпоколенческие разногласия и конфликты вызывают как отторжение самих подростков, так и раздражение или непринятие родителей. Так, по данным нашего опроса, крайне редко находят понимание со стороны родителей, друзей и близких людей 8,4 %, иногда – 33,0. Эмпирические исследования показывают, что более чем 40 % суицидальных попыток и парасуицидов [9] несовершеннолетних вызваны семейными проблемами [10]. В проведенном опросе 7,8 % школьников подтвердили наличие семейных неурядиц (ругани, скандалов, ссор). Более того, для 1,4 % учащихся степень семейных проблем, по-видимому, имеет крайне острый характер, что становится «невыносимо жить». Конечно, не всегда дети, выросшие в неблагополучных семьях, демонстрируют суици-

дальние настроения. Однако именно дети, не получившие в должной мере любви и тепла в семье, как правило, имеют поведенческие проблемы, низкую самооценку и склонны к созданию собственного негативного образа, что в конечном итоге формирует «путаную» идентичность и аутоагрессию. Так, 7,5 % учащихся ответили, что злятся на себя или на других постоянно, а 25 – периодически. Все это протекает на фоне становления личности, которое объективно именуется психологами как период «бурь и мятежей» [11, с. 5–7]. Таким образом, неудачное сочетание условий семейного неблагополучия, сопровождаемое объективными факторами социального становления несовершеннолетних, потенциально увеличивает риски суицидального поведения, способные при определенном стечении обстоятельств привести к критическому выбору.

Ряд исследователей в области медицины и психиатрии склонны полагать, что частота суицидальной смертности в регионах Российской Федерации с высокой суицидальной активностью, в том числе в Республике Бурятия, скорее всего, связана с сочетанием этнических, культурно-исторических и религиозных факторов. В частности, среди этнических групп бурятов и калмыков, исповедующих буддизм или придерживающихся шаманистских воззрений; к их числу также относятся тувинцы [12]. Эта точка зрения подкрепляется данными по Республике Тыва, в которой преобладает коренное население – 82 %, а доля русского населения составляет 16,3 %. Здесь частота суицидальной активности в 2012 г. составляла 61 случай на 100 тысяч населения [13].

Эта гипотеза поддерживается и активно продвигается исследователями регионов с коренным населением Сибири и Севера Российской Федерации. Достаточно трудно дискутировать с этими положениями, поскольку мы не располагаем данными статистики, которые показывают соотношение уровня суицидальной смертности по этническому признаку, также как не имеем серьезных эмпирических исследований в области суицидального поведения в регионах с высокой активностью, способных обосновать эти гипотезы или доказать обратное. Что касается экстраполяции данных положений применительно к обоснованию высокого уровня самоубийств в Республике Бурятия, то эти идеи вызывают определенные размышления, связанные в первую очередь с соотношением русского и бурятского населения, которое составляет 66 % русских и 30 % бурят. Или, например, постулируемые в этих исследованиях толерантное отношение к вопросам смерти и вера в возможности дальнейшего перерождения – реинкарнации как особенности буддийской ментальности не получили своего подтверждения. В нашем опросе вариант ответа «смерть – это возможность реинкарнации» выбрали 24 % русских учеников и 18,1 % бурят. При этом канонические православные представления о смерти «как рае или аде» в нашем опросе наряду с 33 % русских респондентов выбрали 31,9 % бурят. Безусловно, данные показатели не являются строго валидными в пользу того или иного положения, поскольку применительно к показателям суицида требуют более аргументированного обоснования, доказывающего устойчивость и укорененность этих положений как маркеров для православного или буддийского этнокультурного разделения и соответствующего отношения к возможности самоубийства. Здесь хотелось бы отметить, что, по мнению религиоведов, длительное межкультурное взаимодействие русских и бурят на территории Республики способствовало формированию особой формы синкретизма – сочетания и применения православных, буддийских и шаманских практик в повседневной жизнедеятельности мирян, особенно в вопросах медицинской помощи и в решении различных утилитарных проблем безотносительно к этнической принадлежности [14]. Об этом также свидетельствуют данные социологических исследований по изучению отношения современной молодежи Бурятии к свободе совести. В публикациях отмечается, что христианская молодежь посещает как церковь, так и буддийские дацаны со священными местами [15]. По нашему мнению, данная гипотеза в разрезе клинических медицинских и психологических наук, предметом которых является изучение индивидуальных феноменов, требует всестороннего анализа, в том числе методами социологии, поскольку речь идет о массовом, следовательно, социальном явлении типического характера, что входит в сферу исследования социальных наук.

В последние годы категория «счастье», рассматриваемая в основном в дискурсе философско-этического исследования, приобретает популярность в области изучения отечественных социально-психологических наук как социокультурный феномен [16]. Вероятно, это связано с тем, что эта категория становится актуальной в контексте исследований социального благополучия общества и человека, хотя в эмпирическом плане понятие «счастья» – трудноопределимое явление в силу многообразия представлений о нем. Возможно, поэтому данное понятие в прикладных исследованиях рассматривается скорее как критерий самоопределения и субъективного самоощущения респондентов.

В данном контексте интересны социологические исследования, проведенные Фондом общественного мнения в 2011 г. Так, несчастными ощущают себя 19 % из числа опрошенных. Показательно, что среди 44 регионов Российской Федерации единственным регионом с самым высоким уровнем несчастных (каждый четвертый – 25 %) оказался Сибирский федеральный округ. Этот опрос также показывает, что очень бедные люди действительно более несчастны, так же как и чаще думают о смерти самые бедные люди [17, с. 17–23]. Следовательно, мы можем допустить, что состояние несчастья по самоощущению может предшествовать суицидальным наме-

рениям. Эмпирически доказано, что риски суицида значительно выше среди несчастных – одиноких, разведенных, людей, переживающих смерть близких, неудачную любовь, тяжелую или неизлечимую болезнь, так же как и крайняя бедность, унижающая достоинство неволеваемых, нереализованных людей, в силу объективных причин оказавшихся на обочине жизни. Так, например, процент незанятости трудоспособного населения в некоторых сельских поселениях Республики достигает до максимального уровня и при этом не поддается официальной статистике, поскольку не имеет смысла становиться на учет с пособием в 1000 р. в месяц, если центры занятости находятся в районном поселении. Конечно, это не касается непосредственно несовершеннолетних, однако дети и подростки в таких семьях также тяжело переживают несостоятельность взрослых членов и перенимают настроения безысходности и несчастливого удела. Так, согласно нашему опросу, почти каждый четвертый респондент имеет негативное представление о мире «как источнике проблем, зла, лжи и опасностей, в котором нет ничего хорошего» (24,1 %). Возможно, поэтому «жизнь» для 27,9 % детей и подростков – просто «промежуток от рождения и смерти», для 3,7 – «печаль и страдания».

Непосредственно суицидальные настроения демонстрируют 2,9 % учащихся, ответивших «вообще не хочу жить», 3,1 не имеют никакой радости в жизни. О близком к депрессивному состоянии говорят 10,3 % школьников, которых «часто посещают мрачные мысли» и которые «часто имеют плохое настроение», 8,7 % почти всегда чувствуют себя одинокими. При этом практически каждый четвертый школьник не размышляет о смысле жизни (24,4 % – «редко», а 4,9 – «никогда»). Конечно, сложно однозначно интерпретировать эти ответы как потенциально суицидальные настроения и возможные намерения. Известно, что в любом опросе есть погрешности, особенно если речь идет о сложных вопросах метафизического характера: как бы корректно ни была сформулирована анкета, очень важную роль играет субъективный фактор. Многие зависят даже от того, в каком эмоциональном состоянии находился респондент, т. е. от настроения, в котором человек воспринимал поставленные вопросы, зависел выбор вариантов ответа.

Таким образом, полученные в ходе опроса данные в той или иной степени отражают современное состояние психологического и социального неблагополучия определенной части детей и подростков, которые в зависимости от неблагоприятного стечения обстоятельств могут вызывать зачастую и риски суицидальных настроений, спонтанные намерения и попытки.

В целом анализ документов и информации образовательных учреждений, результатов анкетирования учеников школ, экспертного опроса работников образования показывают, что в числе наиболее распространенных причин стабильно высокого уровня суицидального поведения среди несовершеннолетних и населения в целом в Республике Бурятия не только факторы социально-экономического характера, такие как занятость и уровень доходов, но и социокультурные.

На суицидальное поведение оказывают влияние процессы дезинтеграции и низкий уровень социальной адаптации, особенно в сельских районах Республики. В традиционно аграрном регионе, каким является Бурятия, продолжают доминировать ценности патернализма, психология общинной солидарности и коллективного начала, которые подвергаются трансформации в результате рыночных реформ. К сожалению, судя по обзору публикаций, эта группа причинных факторов как системное социальное явление не получила широкого распространения в исследованиях суицидального поведения в первую очередь методами социологического анализа. Подобные масштабные прикладные исследования с целью минимизации факторов, негативно влияющих на такое крайне опасное явление, как суицид, могут быть инициированы и организованы только на институциональном уровне, поскольку требуют как серьезного теоретического осмысления, так и немалых вложений в эмпирические исследования.

Ссылки и примечания:

1. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-013-00620 «Междисциплинарное исследование причин и региональных факторов суицидального поведения несовершеннолетних».
2. Отчет о научно-исследовательской работе «Региональный аспект исследования суицидов среди подростков» в рамках государственного контракта на выполнение НИС для государственных нужд Москвы № 26 от 23 июля 2012 г. [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам человека в городе Москве. URL: http://ombudsman.mos.ru/download.php?model=document&record_id=9 (дата обращения: 11.12.2018) ; Социально-экономическое положение Республики Бурятия. Январь – февраль 2018 г. [электронный ресурс] : комплексный доклад № 01-01-01 // Бурятстат. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/5bff5a8044eeca05889eaede4c4cebd4f4/01-01-01_2018-02.pdf (дата обращения: 11.12.2018).
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер. с фр. с сокр. А.Н. Ильинского ; под ред. В.А. Базарова. М., 1994. 339 с.
4. Уровень бедности населения в Республике Бурятия [Электронный ресурс] // Бурятстат. URL: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/e868e600472b319f96b6be87789c42f5/дин.ур.бедности.PDF (дата обращения: 11.12.2018).
5. Bijou Yang. The Economy and Suicide: A Time-Series Study of the USA // The American Journal of Economics and Sociology. 1992. Vol. 51, iss. 1. P. 87–99. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1992.tb02512.x>.

6. Кондричин С.В. Региональная дифференциация электоральных установок, уровня самоубийств и смертности от насильственных причин: к вопросу об этногенезе социального поведения // Социологический журнал. 2000. № 3–4. С. 98–117.
7. Социально-экономическое положение Республики Бурятия.
8. Kosky R. Childhood Suicidal Behavior // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1983. Vol. 24, iss. 3. P. 457–468. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1983.tb00121.x>.
9. Парасуицид – завершённое самоубийство.
10. Мягков А.Ю., Журавлева И.В., Журавлева С.Л. Суицидальное поведение молодежи: масштабы, основные формы и факторы // Социологический журнал. 2003. № 1. С. 48–70.
11. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996. 344 с.
12. Дуткин М.П. Этнокультуральные факторы суицидального поведения // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Серия: Медицинские науки. 2017. № 4 (09). С. 42–45 ; Положий Б.С. Концептуальная модель суицидального поведения // Суицидология. 2015. Т. 6, № 1 (18). С. 3–7.
13. Положий Б.С., Куулар Л.Ы., Дуктен-оол С.М. Особенности суицидальной ситуации в регионах со сверхвысокой частотой самоубийств (на примере Республики Тыва) // Суицидология. 2014. № 1 (14). С. 11–18.
14. Амаголонова Д.Д. Буддизм, государство и общество // Буддийская культура: история, источниковедение, языковедение и культура: третьи Доржиевские чтения. СПб., 2009. С. 35–42.
15. Чечева А.В. Социологическое исследование: отношение современной молодежи Бурятии к свободе совести // Там же. С. 72–77.
16. Джидарьян И.А. Представления о счастье в российском менталитете. СПб., 2000. 242 с. ; Резник Ю.М. Человек в поисках смысла жизни и счастья (рефлексивные заметки) // Философия и культура. 2008. № 4. С. 153–165 ; Федотова В. Апатия на Западе и России // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 3–18.
17. Непосредственные вопросы (эмпирические данные). М., 2011. Вып. 1.

References:

- Amagolonova, DD 2009, 'Buddhism, the State and Society', *Buddhistskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedeniye, yazykoznaniiye i kul'tura: tret'i Dorzhiyevskiy chteniya*, St. Petersburg, pp. 35-42, (in Russian).
- Bijou Yang 1992, 'The Economy and Suicide: A Time-Series Study of the USA', *The American Journal of Economics and Sociology*, vol. 51, iss. 1, pp. 87-99. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.1992.tb02512.x>.
- Checheva, AV 2009, 'Sociological Research: the Attitude of Modern Youth of Buryatia to Freedom of Conscience', *Buddhistskaya kul'tura: istoriya, istochnikovedeniye, yazykoznaniiye i kul'tura: tret'i Dorzhiyevskiy chteniya*, pp. 72-77, (in Russian).
- Durkheim, E 1994, *Suicide: a Sociological Etude*, Moscow, 339 p., (in Russian).
- Dutkin, MP 2017, 'Ethnocultural Factors in Suicidal Behavior', *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova. Seriya: Meditsinskiye nauki*, no. 4 (09), pp. 42-45, (in Russian).
- Dzhidaryan, IA 2000, *Representations of Happiness in the Russian Mentality*, St. Petersburg, 242 p., (in Russian).
- Erikson, E 1996, *Identity: Youth and Crisis*, Moscow, 344 p., (in Russian).
- Fedotova, V 2005, 'Apathy in the West and Russia', *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 3-18, (in Russian).
- Immediate Issues (Empirical Data)* 2011, Moscow, iss. 1, (in Russian).
- Kondrichin, SV 2000, 'Regional Differentiation of Electoral Attitudes, Suicide Rate and Mortality from Violent Causes: the Ethnogenesis of Social Behavior', *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3-4, pp. 98-117, (in Russian).
- Kosky, R 1983, 'Childhood Suicidal Behavior', *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, vol. 24, iss. 3, pp. 457-468. <https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1983.tb00121.x>.
- Myagkov, AYu, Zhuravleva, IV & Zhuravleva, SL 2003, 'Youth Suicidal Behavior: Scope, Main Forms and Factors', *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 48-70, (in Russian).
- Polozhy, BS 2015, 'Conceptual Model of Suicidal Behavior', *Suitsidologiya*, vol. 6, no. 1 (18), pp. 3-7, (in Russian).
- Polozhy, BS, Kuular, LY & Dukten-ool, SM 2014, 'Aspects of a Suicidal Situation in Ultra-High Suicide Regions (a Case of the Republic of Tyva)', *Suitsidologiya*, no. 1 (14), pp. 11-18, (in Russian).
- 'Poverty Level in the Republic of Buryatia' 2018, *Buryatstat*, viewed 11 December 2018, <http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/e868e600472b319f96b6be87789c42f5/дин.ур.бедности.pdf>, (in Russian).
- 'Report on the Regional Aspect of Studying the Suicides among Adolescents Research Paper under the State Contract to Implement Savings and Mortgage System for State Needs of Moscow No. 26 as of July 23, 2012' 2018, *Upolnomochenny po pravam cheloveka v gorode Moskve*, viewed 11 December 2018, <http://ombudsman.mos.ru/download.php?model=document&record_id=9>, (in Russian).
- Reznik, YuM 2008, 'Man's Search for the Meaning of Life and Happiness (Reflexive Notes)', *Filosofiya i kul'tura*, no. 4, pp. 153-165, (in Russian).
- 'The Social and Economic Situation of the Republic of Buryatia in January – February 2018: a Comprehensive Report No. 01-01-01' 2018, *Buryatstat*, viewed 11 December 2018, <http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/5bff5a8044eeca05889eaede4cdebf4/01-01-01_2018-02.pdf>, (in Russian).